



ОТВЕТНЫЙ ПРИЕМ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ



МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Ответный прием / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Спецназ КГБ).
ISBN 978-5-04-200233-5

1970 год. На закрытом советском полигоне создана новейшая система противоракетной обороны. Один из участников проекта, Геннадий Хустов, инсценировав собственную смерть, бежит с копиями секретных чертежей за границу, надеясь выгодно продать их западным спецслужбам. КГБ узнает о планах перебежчика и отправляет на его поиски группу «Дон» во главе с подполковником Вячеславом Богдановым. Он разрабатывает хитроумную операцию по предотвращению контакта Хустова с заокеанскими «покупателями». Все идет по плану, пока в руки спецназовцев не попадает уникальный документ, разработанный секретным отделом ЦРУ...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200233-5

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

*Казахская ССР, Государственный научно-исследовательский испытательный полигон № 10
Министерства обороны СССР, 9 июня 1970 года*

Земли Казахстана по праву считаются уникальными в своем роде. Само происхождение наименования «Казахстан» включает в свое название элемент «стан», что в переводе означает «земля, место, область». Самый привередливый путешественник не сможет назвать казахские земли скудными на чудеса: равнины, степи, тайга, каньоны, холмы, дельты рек, заснеженные горы и пустыни — выбирай что душе угодно.

Кенгей-Алатау покажет величественные горные пики. Две гряды протянулись с запада на восток от Алматы до Иссык-Куля. Гостей Казахстана привлекают неприступные горные ледники, красивые горные реки, очаровательные долины. Чарынский каньон, древнейший и красивейший из всего, что можно увидеть, выставляет напоказ причудливые формы ландшафта, которые прини-

мает ярко-красный песчаник под воздействием ветра и воды. Катон-Карагай может похвастаться национальным природным парком и заповедником.

Озеро Балхаш второе по величине непересыхающее соленое озеро после Каспийского. Красивое озеро, величественное и загадочное. Озеро разделено полуостровом на две равные части, только вот вода в них разная. В западной части пресная, а в восточной — соленая. Для такой загадки предки обязательно должны были придумать легенду. И придумали. И звучит она так.

Когда-то у богатого чародея Балхаша была красавица-дочь. Звали девушку Или. Пришло время выдавать дочь замуж, и Балхаш объявил, что отдаст ее только за самого богатого, красивого и сильного. И испытания, как водится, придумал. Свататься к Или приехали два сына китайского императора, которые привели два каравана, груженные дорогами товарами; сыновья монгольского хана; молодые бухарские купцы и скромный бедняк-пастух. Разумеется, все испытания пастух прошел с легкостью, победив и бухарцев, и сыновей императора, но не захотел Балхаш отдать свою дочь за пастуха, выгнал его вшаей. А дочь взбунтовалась и сбежала с пастухом. Только вот отец-то ее не просто так чародеем считался. Взял, да и превратил воз-

любленных в две горные реки, а чтобы воды этих рек никогда не соединились, Балхаш упал между ними и стал седым от пенных волн озером. Так и текут воды вдоль полуострова: соленые — слезы дочери, пресные — тоска пастуха.

И лишь степям Бетпак-Дала, расположенным к северо-западу от озера Балхаш, похвастаться особо было нечем. Скучный мелкосопочник, унылая пустыня с бурыми почвами, надоевший саксаул. Чем тут похвастаешься, что противопоставишь красотам горной гряды или красивой легенде о великой любви? Противопоставить нечего. Вернее, так было раньше, до того, как советские ученые решили, что степи Казахстана как нельзя лучше подходят для осуществления глобальных задач.

После окончания Великой Отечественной войны правительству страны стало ясно, что без должной защиты по всем направлениям военного искусства столица СССР всегда будет уязвима для нападения извне. Такое положение вещей не могло устроить действующую власть, и перед Министерством обороны была поставлена задача разработать систему противоракетной защиты Москвы, да такую, о которой другие страны даже не мечтали. И лучшие умы страны начали работу над решением поставленной задачи. Конечно, не все шло гладко, были взлеты и падения, уда-

чи и разочарования, но спустя десять лет после победы над фашистскими захватчиками ученые разработали уникальную систему противоракетной обороны, получившую скромное рабочее название «Экспериментальная система ПРО «А».

Для проведения испытаний экспериментальной системы ПРО «А» в пустыне Бетпак-Дала Казахской ССР с 1956 года шло строительство Государственного научно-исследовательского испытательного полигона (ГНИИП) ПВО № 10. Полигон был отдан в подчинение 4-му Главному управлению МО СССР. Восьмого апреля 1958 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление о создании боевой системы ПРО («А-35») для обороны объектов Москвы от одиночных моноблочных ракет США типа «Титан-2» и «Минитмен-2».

Немногим позже, летом 1961 года, на сессии Организации Объединенных Наций первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев известил мировую общественность о том, что в СССР создано оружие, которым, по его выражению, можно попасть «в муху в космосе». Возможно, на тот момент заявление звучало преждевременно и больше походило на хвастовство, но лишь на тот момент.

Уже в июне 1962 года Государственная комиссия рассмотрела эскизный проект данной системы, и вскоре состоялась его защита. Созданная на по-

лигоне система «А» экспериментально подтвердила принципиальную возможность осуществления перехвата баллистических целей; впервые в истории была показана возможность точно рассчитанной встречи «снаряда со снарядом». Да, работы еще предстояло немало, доводить до ума систему планировали не один год, но это был настоящий прорыв СССР в противоракетной обороне.

За четырнадцать лет существования полигона в пустыне Бетпак-Дала построили линии связи и электропередачи, железнодорожные и шоссейные дороги, более тридцати строительных площадок вместили в себя шестьсот сорок три постоянных зданий и сооружений для нужд полигона. В июне 1957 г. была создана специальная радиолокационная станция РЭ-1 для исследования радиолокационных характеристик баллистических ракет в различных условиях полета, а в 1958-м — более мощная РЭ-2. В октябре 1957 г. был проведен пуск противоракеты экспериментальной системы ПРО и начато развертывание ее средств. Указом президиума Верховного Совета СССР в 1966 году за успешное выполнение заданий по разработке, созданию и освоению новой военной техники полигон награжден орденом Ленина, и в том же 1966-м соединению вручено боевое знамя части.

Полигон сотрудничал с 37 министерствами и ведомствами, с более чем 400 предприятиями, организациями промышленности, конструкторскими бюро. На полигоне постоянно работало свыше 70 экспедиций различных министерств и ведомств. Ежегодно на полигон приезжали более 16 тысяч представителей промышленности.

Шесть противоракетных комплексов; двенадцать зенитно-ракетных комплексов; семь типов противоракет; двенадцать типов зенитных управляемых ракет; четырнадцать типов измерительной техники; испытания пятнадцати ракетных комплексов стратегического назначения и их модификаций; восемнадцать радиолокационных комплексов и несколько систем на новых физических принципах — это далеко не полный список стратегических задач, которые успешно решались на полигоне.

Все это стало возможным благодаря участию в проекте видных представителей советской науки. Академики Грушин, Минц, Лебедев, Расплетин, Лавочкин и многие другие светлые умы разрабатывали новые системы ПРО, координировали исследовательские и испытательные работы. Несмотря на то что полигоном, как военным объектом, командовал генерал-майор артиллерии Марков, генеральным конструктором и истинным вдохновителем всех проектов являлся профессор,

член-корреспондент Академии наук СССР Кисунько Григорий Васильевич. Под его началом трудились как военные, так и штатские ученые, профессора, кандидаты и доктора технических наук, прошедшие тщательный отбор по всем направлениям и имевшие безупречную репутацию.

Девятого июня 1970 года на полигоне кипела работа. Профессор Кисунько был вызван в Министерство обороны, к начальнику 4-го Главного управления МО СССР для доклада о текущем положении дел, и каждый из сотрудников полигона знал, что от успешности этого доклада зависит, как скоро им позволят провести комплексные государственные испытания системы ПРО, над которой они работали без малого четырнадцать лет. Все, от младшего офицерского состава до маститого ученого, пребывали в возбужденном состоянии, которое даже не пытались скрывать.

— Геша! Где ты пропадаешь, лихорадка тебя возьми! Лабораторию откроют через десять минут, товарищ полковник госбезопасности уже на территории полигона, а тебя с собаками искать приходится!

Младший научный сотрудник, помощник заместителя руководителя отдела систематизации информации Иван Павлинов ворвался в комнату отдыха шестнадцатого инженерного комплекса

и с возмущением накинулся на мужчину средних лет, развалившегося в кресле. Тот, кого называли Гешей, недовольно поморщился, но из кресла выбрался.

— Чего кричишь, Иван? Человеку и пять минут отдохнуть нельзя? Знаешь ведь, что я всю ночь систематизацией занимался, — ворчливо произнес он.

— Чего кричишь?! Чего кричи-и-ишь?! — Павлинов чуть не захлебнулся от возмущения. — Геша, ты вообще в курсе, что происходит? Товарищу Кисунько выезжать через три часа, а у тебя еще ничего не готово! Может, тебе наплевать, как пройдет доклад, но лично я в случае провала крайним оставаться не хочу.

— Тебя никто и не просит. — Геша потянулся за ботинками, которые до этого снял, пытаюсь дать ногам отдых. — Подготовить пленки поручено мне, а не тебе.

— А проконтролировать и передать их товарищу Кисунько должен я, — возмутился Павлинов. — Давай, шевели поршнями, Геша. Иначе доложу о твоём поведении кому следует.

— Не пугай, Иван, пуганые. Сам знаешь, кроме меня, с этой работой никто не справится.

— Сейчас не справится, — фыркнул Павлинов. — Эта ситуация временная, Геша. Через ме-

сяц придет замена Соколову, которого отправили в госпиталь, и Власенко вернется с Украины. Слышал, его матери стало лучше. Так что не знавайся, скоро ты снова отойдешь на второй план. Имей в виду, не появишься в лаборатории через пять минут — отправлю доклад самому Кисунько!

Павлинов резко развернулся и вышел из комнаты отдыха. Втиснув ноги в тесную обувь, Геша вышел следом. Всю дорогу до лабораторного комплекса он почти бежал. В его душе бушевал гнев. «Десять лет учебы, тридцать лет исследовательской работы, четырнадцать из них на проклятом полигоне, работа по двадцать часов в сутки, без выходных и праздников. А в итоге что? Ни семьи, ни детей, зарплата мизерная, уважения ноль! Кто получит награды за выдающиеся заслуги перед Родиной? Кисунько и ему подобные! Кому дадут премию? Тоже им. А мне лишь выговор с занесением в личное дело за то, что лишних пять минут посидел в кресле, за то, что не свалился с инфарктом, как Соколов! Где справедливость? Когда это изменится? Будь все проклято! Будь все проклято!»

К месту назначения Геша в отведенный Павлиновым срок едва успел. У дверей лаборатории, вход в которую допускался лишь с личного разрешения генерал-майора Маркова, его уже ждал сотрудник КГБ.

— Опаздываете, — взглянув на часы, проворчал он.

— Простите, часы отстают. — Фраза прозвучала глупо, отчего настроение Геша испортилось окончательно.

— Так смените часы, — назидательно произнес кэзгэбэшник. — Служить на оборонном предприятии и не следить за временем — непростибельная оплошность.

Отвечать Геша не стал, дождался, когда дежурный по этажу отомкнет три замка, и молча вошел в помещение. Прежде чем приступить к работе, Геша произвел все подобающие записи в куче журналов, сотрудник КГБ проверил помещение на предмет несанкционированного проникновения и только после этого позволил Геше начать работу с микропленками. Работал Геша на автомате: запускал необходимые процессы, загружал нужную информацию, фильтровал материал, вставлял в него схемы и чертежи, и все это время сотрудник КГБ маячил за спиной. Геша понимал, что такова специфика работы, но сегодня его это бесило как никогда.

Примерно через час после начала работы в комнату заглянул дежурный.

— Товарищ капитан государственной безопасности, вас срочно приглашают к телефону, — извиняющимся тоном произнес он.

— Что за ерунда! Вы знаете правила, — возмутился капитан. — Никаких внешних мероприятий во время работы лаборатории.

— Я знаю, товарищ капитан государственной безопасности, — голос дежурного зазвучал еще более виновато. — Но звонят из Москвы. Сказали — срочно.

— Сколько тебе осталось? — вопрос капитана был обращен к Геше.

— Не могу сказать точно, но не меньше часа, — подумав, ответил Геша.

— Придется прерваться, — заявил капитан. — Останавливай процессы, продолжишь позже.

— Я не могу прервать процесс, иначе придется начинать все сначала, и тогда профессор Кисунько опоздает на самолет, — возразил Геша.

— Насчет самолета я договорюсь, — отмахнулся от возражений капитан. — У меня срочный звонок.

— Пленка придет в негодность, насчет непредвиденных расходов тоже договоритесь?

— Сворачивайся, тебе сказано, — отрезал капитан.

Геша подавил взрыв возмущения и вырубил все машины. Через пять минут он уже стоял у закрытых дверей лаборатории, дожидаясь возвращения капитана. «Столько работы коту под хвост!

И ведь не было никакой необходимости прерывать процесс. Ну, сходил бы он в дежурку, поговорил по телефону, и что? Кому она нужна, ваша секретность? Все равно пленку из лаборатории не вынести, — мысленно возмущался Геша. — А если и вынесешь, то через КПП точно не пройдешь, там досмотр серьезнее, чем на золотых приисках. Кисунько и то свой экземпляр рабочих схем и чертежей только в спецкейсе выносит, и охрана у него четыре человека. Все боятся, что западные державы их секреты украдут. Кто их понесет западным державам? Это у нас шпионов и перебежчиков как дорогих гостей привечают. И политическое убежище им, и советское гражданство, и пресс-конференции в Доме журналистов. А ведь кто они такие? Всего лишь мелкие сошки в Агентстве национальной безопасности, криптологи, которые только и могут, что расшифровывать добытую другими информацию. И что они по сути сказали? Да ничего, только избитые фразы и ни одного доказательства в подтверждение своих слов. И все же они стали чуть ли не национальными героями Советского Союза».

Историю криптологов Геша помнил наизусть. Она произошла десять лет назад, в далеком 1960 году, когда работа над экспериментальной системой ПРО еще только начиналась. Тогда это

событие широко освещалось не только в советских газетах, но и в международных СМИ, доступ к которым Геша имел благодаря связям с «секретным» отделом сбора информации при Министерстве обороны СССР. Звучала она так: два друга, Уильям Гамильтон Мартин и Бернон Ф. Митчелл, познакомились во время службы в ВМС США в Японии в начале 1950-х годов, и оба присоединились к АНБ в один и тот же день в 1957 году. А в 1960-м решили вместе бежать из страны.

Двадцать пятого июня 1960 года Митчелл и Мартин выехали из США в Мексику. Оттуда они отправились в Гавану, а затем на советском грузовом судне поплыли в СССР. Пятого августа Пентагон заявил, что они не вернулись из отпуска, и было сделано заявление: «Есть вероятность, что они убежали за железный занавес». Шестого сентября 1960 года Митчелл и Мартин появились на совместной пресс-конференции в Доме журналистов в Москве и заявили, что запросили убежище и советское гражданство.

Особо шокирующих заявлений Митчелл и Мартин так и не сделали, лишь сообщили о том, что и без них было известно: правительство Штатов использует недостойные методы при сборе разведывательной информации, умышленно нарушает границы воздушного пространства

других государств, а также занимается перехватом и расшифровкой секретных сообщений более чем сорока государств, включая своих собственных союзников. Свои истинные цели они прикрывали тем, что якобы обеспокоены желанием США навязать миру ядерную войну, чего они, как истинные патриоты, допустить не вправе.

Красивой обертке Геша не поверил ни на секунду. Не верил ей и сейчас, спустя десять лет после происшествия, но забыть о том, что сделали Мартин и Митчелл, никак не мог. Снова и снова он прокручивал в голове это событие, примеряя его на себя. Какова истинная причина побега? Что они выиграли, став предателями Родины? В разговоре с приятелем из секретного отдела Министерства обороны Геша узнал, что Мартин и Митчелл получили от советского государства кругленькую сумму, и вот тогда он понял, почему зациклился на этом происшествии.

Когда его научный руководитель предложил примкнуть к «небывалому по своему масштабу» проекту Минобороны, Геша не раздумывал. Такие перспективы, такие возможности! Да любой на его месте руку позволил бы отсечь, лишь бы попасть в рабочую группу полигона! Творить историю наравне с великими умами, что может быть прекраснее? Но на деле все оказалось куда проза-

ичнее. Разочарование пришло в тот момент, когда у него обнаружили способности к систематизации и верстке материалов исследований. Чужих материалов! За четырнадцать лет сам он не принял участия ни в одном пуске, ни в одной разработке новых подходов к реализации системы ПРО. Только систематизация, ведение записей и работа с микропленками, которые утилизировались один раз в полгода, чтобы освободить место для новых километров пленки. Никакого карьерного роста, никакой благодарности. Лишь мизерная зарплата, которая положена вспомогательному персоналу, и ненормированный рабочий день.

— Чего застыл, дубина? — окрик капитана госбезопасности вывел Гешу из задумчивости. — Спишь на ходу? Дверь открыта, приступай к работе!

Геша вошел в лабораторию, на автомате подошел к аппаратам, затем, вспомнив протокол, повернулся к капитану.

— Испорченную пленку необходимо измерить, упаковать и отправить на утилизацию, — сообщил он капитану.

— Нет времени. — Капитан недовольно поморщился. — Утилизируй сейчас.

— Но по правилам, — начал Геша, но капитан не дал ему закончить.

— Собираешься пререкаться? Я здесь правила и закон! Утилизируй и приступай к работе, — прорычал капитан.

Кипя от злости, Геша повернулся к аппаратам. «Паршивый ублюдок! Пользуется своим положением, чтобы унижить человека! — бушевал он в душе. — Заставить бы тебя на своей шкуре почувствовать бессилие! Забить тебе в глотку все эти километры микропленки, тогда бы я посмотрел, какой ты важный!» Его рука потянулась к кювете с пленкой, подлежащей утилизации, и вдруг остановилась на полпути. Мозг еще не успел отреагировать, а руки уже вытягивали из запасной кюветы пленку с черновиками ночной работы. Когда пленка оказалась в его руках, Геша уже не сомневался. Он уверенно отправил черновики в машину для утилизации, и пока та, тихо жужжа, пережевывала пленку, заправил новой пленкой второй аппарат.

— Долго еще? — ворчливо поинтересовался капитан.

— Машины запустятся через три минуты, — сообщил Геша. — Распишитесь в журнале, здесь ведутся записи по утилизации.

— Без тебя знаю. — Капитан вырвал журнал из рук Гешы, быстро поставил подпись и вернул. — Постарайся не напортачить, времени у нас в обрез.